

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ Н.Н. СТРАХОВА

© Иванова С.И.¹

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж

В работе рассматривается формирование национальной концепции в трудах русского философа-почвенника Н.Н. Страхова. Проблема русской национальной идентичности решается в контексте борьбы с Западом. Утверждается уникальность, самостоятельность русской культуры, не подходящей под общеевропейские мерки.

Ключевые слова: публицистика, «польский вопрос», национальная идентичность, славянские народы, Запад.

События в Польше, связанные с восстаниями 1830-1831 гг. и 1860-1861 гг., вызвали необыкновенный патриотический подъем во всех слоях русского общества. Как вспоминал Н. Страхов, патриотизм в обществе «заговорил очень горячо». Этому особенно способствовали газета «День», «чрезвычайно полезная своими толкованиями» событий и «Московские ведомости», поддерживающие «своими энергичными статьями» все решения правительства. Только «Колокол» Герцена, издававшийся в Лондоне, бросил клич в поддержку польских повстанцев: «За вашу и нашу свободу!» и поэтому «навсегда упал в мнении читателей». Демократически настроенный «Современник» молчал, не решаясь открыто поддержать этот лозунг [1, с. 246].

Именно в это время и появляется статья «Роковой вопрос» Н.Н. Страхова, так негативно воспринятая русским общественным мнением, вызвавшая возмущение не только в правительственных кругах, но и в среде патриотических настроенных либеральных публицистов. Статья была опубликована в журнале «Время» 1863, № 4, ведущими авторами и редакторами которой были братья Достоевские. Журнал считался умеренным по своему настроению, почти славянофильским, открыто стоящим на «почвеннических» позициях или, по словам Страхова, созданный с целью «популяризировать славянофильские идеи на петербургской почве» [2, с. 26]. Надо сказать, что поначалу братья Достоевские положительно отреагировали на статью Н.Н. Страхова. В «Воспоминаниях о Ф.М. Достоевском» философ отмечал, что редакторы сначала были очень довольны статьей и «хвалились ею», так как «в сущности она была продолжением того дела, которым мы вообще занимались, то есть возведением вопросов в общую и отвлеченную форму. Но жизнь со своими конкретными чувствами и фактами шла так горячо, что

¹ Преподаватель, кандидат философских наук.

на этот раз не потерпела отвлеченности» [1, с. 247]. Страхов не раз упоминал об «отвлеченном» характере статьи, благодаря чему, она, по его словам, была «превратно понята».

Вышедшая статья почти сразу вызвала взрыв негодования со всех сторон. Первым гневным откликом стала статья К.А. Петерсона в газете «Московские ведомости» 1863, № 109, которая сыграла роль доноса и привела к закрытию «Времени». С критическими замечаниями выступил И.С. Аксаков в газете «День» 1 июня 1863 г., № 22. Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, Н.Н. Страхов отправляет письма М.Н. Каткову, редактору изданий «Московские ведомости» и «Русский вестник», и И.С. Аксакову, редактору газеты «День», в которых он давал разъяснения по своей статье, утверждая, что «польский вопрос, больше чем всякий другой, требует участия и всех наших внутренних сил, напоминает нам наше различие от Европы, требует уяснения и развития наших самобытных начал» [3, с. 53]. Под этими словами философ подразумевал необходимость глубокого философско-аналитического исследования польской проблемы, а не простой публицистичности и злободневности патриотических высказываний. Письма Н.Н. Страхова так и не были опубликованы на страницах периодической печати, их не пропустила цензура. Они увидели свет только в 1890 году в предисловии к его труду «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки» [4]. Польской проблематики посвящена статья Страхова «Перелом», написанная для первого номера 1864 года журнала «Эпоха», впоследствии также вошедшая во вторую книгу его главного труда.

Рассмотрению национального вопроса так же посвящена острая публицистическая полемика Н.Н. Страхова с русским философом В.С. Соловьевым в ответ на его критику произведения Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Их публицистический спор проходил в период с 1888-го по 1890-ые годы. Соловьев публиковал свои статьи на страницах «Вестника Европы», Страхов печатался в славянофильском «Русском Вестнике». Впоследствии эта переписка была объединена в сборники: Н.Н. Страхов «Борьба с западом в нашей литературе» и В.С. Соловьев «Национальный вопрос в России».

Страхов отошел от распространенного для современников событий отношения к «польскому вопросу» как политическому конфликту, противостоянию двух государств. По его мнению, проблему надо рассматривать гораздо глубже, не в политическом, а в цивилизационном ключе. Чтобы разобраться в «польском вопросе» следует взять воедино две проблемы: взгляд поляков на нас и наш на поляков. Оба вопроса аккумулированы в так называемую проблему «самоидентичности», национального самосознания.

Поляки сознательно выделяют себя из славянской семьи и главная причина этому – их принадлежность к европейской культуре. Автор подтверждает, что эти притязания вполне обоснованы, вся их история доказывает право польского народа «считать себя в цивилизации наравне со всеми дру-

гими европейскими народами». Вместе с другими европейским народами Польша приняла католичество, «в науках, в искусствах, в литературе, вообще во всех проявлениях цивилизации, она постоянно брталась и соперничала с другими членами европейской семьи никогда не была в ней членом отсталым или чужим» [5, с. 37]. Это вдохновляло поляков на борьбу с Россией, в этом они черпали духовные силы, в сознании действительной причастности к европейской цивилизации. Философ приходит к выводу, что противостояние Польши и России есть ничто иное как столкновение двух культур, борьба двух цивилизаций, Запада и Востока, «народа цивилизованного» и «варваров» [5, с. 37]. Спустя шесть лет в журнале «Заря» от 1869 г. будет опубликован труд Данилевского «Россия и Европа», в котором концептуально рассмотрен вопрос о конфликте европейской и русской цивилизаций. По мнению многих современных исследователей творчества Н.Н. Страхова, он пришел к идее «борьбы цивилизаций» независимо от Данилевского и раньше него [6; 7, с. 131]. Но там, где Страхов сформулировал только общие идеи, Данилевский сумел оформить эти идеи в разработанную, обоснованную концепцию, что не умаляет роли Н.Н. Страхова в истории русской философской мысли.

Не менее важным в рассматриваемой проблеме является вопрос об отношении русских к полякам с точки зрения поиска специфики собственного национального самосознания, идентичности. «Нельзя найти «идентичность» своей собственной культуры (сколь бы разнообразной она не была), пока глубоко и досконально не познакомишься с другой культурой, вплоть до того, что реакция на это знакомство обновит все твое существо», – отмечает известная исследовательница А. Вежбицкая [8, с. 43]. Это высказывание как нельзя лучше иллюстрирует понимание того, чем являлся образ поляка в русской национальной культуре. Сам Страхов говорит об этом: «Чтобы порешить дело с Польшей приходится отражать ее веру – нашей верой, ее язык – нашим языком, ее историю – нашей историей, ее дух – нашим духом. Все наши внутренние силы, весь наш исторический организм с его зачатками и зрелыми формами должен пойти в сравнительную оценку и тяжбу с ее организмом и ее силами» [9, с. 87]. В своей статье Н.Н. Страхов сознательно подчеркивает блеск и достоинства польской культуры, подробно описывает ее достижения, ссылаясь на Киреевского: «Польская аристократия в XV и XVI веке была не только самой образованной, но и самой блестящей, самой ученой в Европе. Основательное знание иностранных языков, глубокое изучение древних классиков, необыкновенное развитие умственных и общежительных дарований удивляли путешественников и составляли всегдашний предмет реляций наблюдательных папских нунциев того времени» [5, с. 38]. При этом автор не забывает многовековую связь Польши с католическим Западом, влияние которого стало определяющим и культурно плодотворным для нее. То есть мыслитель как бы дистанцируется от своего этноса, смот-

рит на Польшу соперезивательно, чтобы вторично пересмотреть свой взгляд на Россию и русский народ: « Не будем обманывать себя; постараемся понять, каким взглядом должны смотреть на нас поляки и даже вообще европейцы» [5, с. 38]. В этом заслуга философа: противопоставляя себя западной, хотя и славянской цивилизации, другим духовным, ценностям мы обретаем другое понимание своей русской самобытности, национальной идентичности. В конечном итоге философ сделал первый шаг на пути разрушения извечной оппозиции России и Европы, развивая мысль о многообразии и автономности славянского мира. При этом не следует преувеличивать его отстраненность от стереотипов эпохи.

Страхов Н.Н. анализирует польскую культуру в целом. Не отрицая ее развитости и достижений, автор указывает на глубинные противоречия в самой основе польской цивилизации. Философ называет ее «заемной» и «внешней», так как в Польше «оцивилизован» был только высший класс, именно он творил польскую культуру, а простой народ, неграмотный, забытый, «быдло» оказался во вне этой культуры, был оторван от нее. Поэтому в Польше не сложилось единства культуры с элементами народной жизни. Европейская цивилизация, утверждает автор, благоприятна только для европейских народов, так как она накладывается на плодотворную европейскую «почву», а в Польше, «именно потому, что поляки – славяне», эта цивилизация не нашла опоры для самобытного развития и была обречена с самого начала «нести смерть в своем корне» [1, с. 257]. Страхов подчеркивает, что главная беда Польши – ее «беспочвенность». Поэтому автор подвергает критике убеждения поляков в превосходстве своей культуры над русской: польская культура «поражена внутренним бессилием», а все их достижения, образованность, лоск являются лишь бессодержательным, внешним отражением европейской цивилизации, и, следовательно, она не способна на дальнейшее самостоятельное развитие [5, с. 57]. Как представители высокой европейской культуры, сообщает Страхов, они постоянно были заняты распространением этой культуры и стремились колонизировать прилежащие страны. Колонизация охватывала не только Малороссию и другие приграничные к Польше территории, но и «сама Москва подвергалась попыткам ополячения и латинизирования». Здесь можно говорить о том, что колонизация, по сути дела, была равносильна европеизации, а Польша, достойная представительница Великой Европы, выступала плацдармом вселенской миссии Запада. Но непрерывное распространение на варварские племена благ европейской цивилизации обернулись для Польши духовным поражением, подменой идеи культуры идеей культурной миссии. Автор неоднократно подчеркивает, что сосредоточившись на своей якобы культурной миссии, поляки остановились в своем собственном развитии: «я ясно вижу роковое значение польской культуры, то безвыходное и гибельное положение, в которое она стала со своими притязаниями» [3, с. 58]. Кроме то-

го, принадлежность Польши к вырождающейся европейской культуре с ее «отживающими принципами» и духовными противоречиями еще быстрее приближает гибель самой Польши. Поэтому наше нравственное преимущество над поляками, по мнению философа, очевидно [9, с. 94-95].

В чем же русские увидели «точку опоры» в своей борьбе с поляками? Философ дает однозначный ответ: «наши мысли обращаются к единому видимому и ясному проявлению народного духа, к нашему государству» [5, с. 39]. Крепкая государственная организация важна, так как дает нам возможность самостоятельной жизни. Но не стоит преувеличивать роль государства, оно является полным, завершенным только при наличии в нем духовного составляющего, «народного духа».

На формирование концепции «народного духа» Н.Н. Стрехова оказали несомненное влияние идеи «национального духа» немецких мыслителей. Гегель, в частности, рассматривал «национальный дух» как абсолютное начало, дух, который возможно познать только с помощью мысли, рассматриваемый на данном конкретном этапе развития, у данного народа. Конкретный дух народа выражается в конкретных проявлениях его многогранной деятельности, в делах народа, во всей его разнообразной действительности. Надо сказать, что у Стрехова «народный дух» тоже определенная метафизическая величина, она складывается из двух составляющих. С одной стороны, это «коренные и своеобразные» силы народа, источник его жизненных сил и органических проявлений, то есть та творческая энергия, «плодотворный дух», который позволяет созидать что-то великое. Другое проявление народности – «почва», «самобытные своеобразные начала», некая национальная форма, на которой держится русская культура, русская государственность, самобытная русская жизнь. Наиболее полно эта мысль выражена в объявлении об издании «Времени»: «Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» [1, с. 279].

Эти смыслообразы Стрехов как представитель почвенников активно использует для обоснования своеобразия русской народности. Причем автор подчеркивает глубокое «духовное родство» славянских народов с Россией, единый славянский племенной дух, с которым неразрывно связана «истинная жизнь славян» [10, с. 65]. Также и с Польшей, по его мнению, нас связывает «духовное родство, общая принадлежность в некоторой великой духовной жизни» [10, с. 88].

Здесь можно проследить главные различия во взглядах почвенников и славянофилов. Если славянофилы видели духовную основу русской цивилизации в православии и связывали возрождение русского общества с возвратом к истинному христианству, то почвенники сместили акценты с православия на русскую народность и почву, которая составляет основу жизни

народа. Почвенники полагали, что народная жизнь заслуживает бережного к себе отношения не потому, что она является носителем христианских ценностей, а просто потому, что ценна сама по себе, а «народный дух» выступает как основа народности, определяя ее самоидентификацию и самобытность развития. Духовная основа, «глубокий и плодотворный дух», несомненно, присутствует в нашей русской цивилизации, однако, по мнению Страхова, недостаточно ясно и отчетливо. Но, даже находясь «в зародыше», «в зачатке», этот дух уже «ревниво охраняет свою самостоятельность и не дает над собой власти никакому чуждому духу, который настолько крепок, что способен отталкивать всякое влияние, мешающее его самобытному развитию» [5, с. 45]. В качестве примера автор ссылается на попытки колонизации русских областей в Малороссии и в Москве, которые встретили «непреклонный, неодолимый отпор», нравственную стойкость и «глубокое упорство» со стороны русской культуры.

Уверенность в силе и крепости нашего государства и неуверенность в духовной самостоятельности России составляет главное противоречие русской культуры: «несоразмерность нашей государственной силы с нашим нравственным значением» [5, с. 40]. Соглашаясь с Данилевским, Н.Н. Страхов признает Россию самобытным культурно-историческим типом, развивающимся независимо от Европы, и считает, что западный путь развития и просвещения не пригоден для России. Заимствование Европейских идей не приводит к развитию самобытного творчества, все дело в существенном различии наших духовных начал от начал Европы. Здесь, по мнению автора, наиболее поучителен пример А.И. Герцена, который увлекся мудростью Европы, но вскоре глубоко разочаровался в ней, став одним из самых красноречивых обличителей европейского мещанства, политической демагогии, безверия и духовной пустоты. Поэтому, западные идеи, не связанные с развитием народного духа, «отрывают нас от нашей почвы», ведут к утрате нашей духовной самобытности, лишают нас умения жить своим умом [11, с. III-IV].

Надо заметить, что Страхов не критикует западную культуру и даже признает его великие культурные достижения: «мы должны уважать Запад и даже благоговеть перед величием его духовных подвигов». Более того, он осознает всю важность западных ценностей для развития России: «Европейское просвещение, этот могущественный рационализм, это великое развитие отвлеченной мысли, должно быть для нас побуждением и средством к такому сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов». Однако настаивает автор: «Умственная борьба с Западом при этом необходима» [11, с. VI-VII]. Автор предостерегает от слепого, чисто механического копирования Запада. Необходимо быть самостоятельными в своих суждениях, использовать европейский опыт и достижения для самобытного развития России: «Будем философствовать как немцы, т.е. по-своему; будем консерваторами, как англичане, но только по-своему; будем и прогресси-

стами, но по-своему, а не как французы. Только тогда у нас будет настоящая умственная и общественная жизнь» [10, с. 68-69].

Страхов по-европейски образованный человек, знающий современную ему западную философию и литературу, полагал, что именно при глубоком знакомстве с западной культурой открывается ее слабость – слабость духовных основ, начало вырождения, самоотрицания. Он неоднократно повторяет, что Запад разрывается от внутренних противоречий, «душевной путаницы», ярким симптомом этого духовного разложения стал, по мнению философа, нигилизм. Нигилизм – продукт европейского просвещения: «нигилизм есть крайнее, самое последовательное выражение современной европейской образованности, а эта образованность поражена внутренним противоречием, вносящим ложь во все ее явления. Противоречие состоит в том, что все протестуют против современного строя общества, но сами ни сколько не думают отказываться от тех дурных начал, против которых протестуют» [12, с. 90]. Европейское просвещение, по мнению Страхова, стало главным источником нигилизма и у нас, в России. Борьба с Западом крайне важна для России, но это должна быть не столько политическая, а «умственная борьба».

Что касается Польши, то она как часть западной культуры, цивилизации, имеет те же внутренние противоречия и слабости. Поэтому ведущую роль в разрешении «польского вопроса» будет играть, по мнению Страхова, не военно-политическая победа русского государства, а «умственная борьба с идеями полонизма» [9, с.96]. Не стоит надеяться только на «обширность и крепость государства», убеждает русский мыслитель, надо обратить внимание на «русские народные начала, на те глубокие духовные силы русского народа, от которых, без сомнения, зависит и его государственная сила» [3, с. 50]. Проповедуя идеи почвенничества, Страхов призывает самостоятельно избавиться от всего внешнего, общеевропейского, «наносного и прививного» в русской культуре, не имеющего духовных оснований и вернуться, «волей-неволей» к «почве». И тогда мы смогли бы достойно ответить на вызов поляков, показать, что с ними «борется и соперничает не азиатское варварство, а другая цивилизация, более крепкая и твердая, наша русская цивилизация» [5, с. 44].

Россия, по убеждению Н.Н. Страхова, имеет все задатки и полную возможность для самобытного развития. Несмотря на то, что наша культура несколько отстает в своем развитии, но она «носит в себе залогов такой крепости, такого глубокого и далекого развития, каких, может быть, не имеет никакая другая культура» [3, с. 54]. Надо заметить, что и к русскому нигилизму в отличие от европейского Страхов относился очень спокойно. Развитие нигилизма, а именно: «сперва отречение от своего, а потом и от чужого» должно сыграть для нас положительную роль, так как помешает нам окончательно слиться с Европой. «Самым правильным из действий нигилизма, – замечает Страхов, – нужно считать скептический взгляд на Европу, разрушение обаятельного авторитета Европы» [12, с. 89]. Глубокая вера в рус-

ский народ, в его духовное здоровье и самостоятельное будущее, поможет нам вернуться к русскому сознанию, родной почве, к самим себе. «Нам не нужно искать каких-нибудь новых, еще не бывалых на свете начал, нам следует только проникнуться тем духом, который искони живет в нашем народе и содержит в себе всю тайну роста, силы и развития нашей земли», – пишет Страхов уже в предисловии к «Борьбе с Западом» [11, с. VI]. Следует отказаться от привычки мерить себя «общеευропейской меркой», у русской земли есть своя судьба, свое важное назначение. Мы должны понять, должны поверить, убеждает философ, что «мы сами по себе, что мы не европейцы, а просто русские» [13, с. 52].

Страхов отрицал существование единой общечеловеческой истории и человечества как единого целостного образования. Поэтому он выступал против утверждения В.С. Соловьева о единстве человечества, которое обнаруживается в настоящем ходе всемирной истории. По мнению Н.Н. Страхова, историческое единство в реальной жизни еще не сложилось. «Человечество, – отмечает он, – не представляет собой чего-то единого, «живого целого», а скорее походит на живую стихию, стремящуюся во всех точках складываться в такие формы, которые представляют большую или меньшую аналогию с организмами. Самые крупные из этих форм ... составляют то, что Данилевский называл «культурно-историческими типами» [14, с. 420-421]. Именно они и выступают единственным реальным предметом исследования.

Однако Страхов признает некое «идеальное единство» человечества ввиду существования общей сокровищницы культурных ценностей, в которую каждый тип вносит «плод свое цивилизации, как некоторое наследие, равнопринадлежащее всем существующим и будущим типам» [14, с. 421-422]. Разделяя позицию Данилевского о том, в настоящем славяне есть «только особый культурно-исторический тип, рядом с которым может иметь место существование и развитие других типов», он все же верил во всечеловеческое будущее русской цивилизации [14, с. 399]. Именно русская земля, неоднократно утверждает он, сохранив самобытность, народные начала и, впитав в себя лучшие достижения европейского просвещения, «будет новым словом общечеловеческой цивилизации и выразит собою цивилизацию всего славянского мира», тогда она «водворит спокойствие на Западе и благоустройство на Востоке» [1, с. 251; 15, с. 479]. Синтез славянофильства и западничества, веры в историческую ценность и общечеловеческую миссию русской народности был характерен и для Н. Страхова как представителя почвенничества.

Таким образом, Н.Н. Страхов представляет собой своеобразную знаковую фигуру в развитии русской национальной мысли. На страницах периодического издания, он первым открыто сформулировал главный, «роковой» вопрос русской культуры, вопрос о собственном самосознании: «кто такие

мы, русские?». Страхов впервые обратился к польской проблеме с точки зрения поиска культурного самоопределения России. В дальнейшем, русские философы национальной направленности будут часто использовать противоречивый образ славянской, но западной Польши для обоснования идеализации русского народа. Страхов не только обозначил проблему поиска национальной самоидентификации русского народа, но и сформулировал принципиально новую концепцию его идентичности, основанную не на противопоставлении, а на диалоге культур.

Список литературы:

1. Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. – СПб., 1883. – 375 с.

2. Щербакова М.И. И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов. Переписка. – М.: Группа славянских исследований при Оттавском университете и Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2007. – 190 с.

3. Страхов Н.Н. Россия и славянство. Письмо к редактору «Дня» 22 июня 1863г. // Страхов Н. Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 53-61.

4. Страхов Н.Н. «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки». Книга 2. – Издание 2-ое. – СПб., 1890. – С. 129-146.

5. Страхов Н.Н. Роковой вопрос // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 37-50.

6. Ильин Н.П. «Русские духовные силы! Где они?» Роковой вопрос Николая Стрхова [Электронный ресурс] // Воспоминание о будущем: русская национальная революция. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/proekty/metafizik/fk113.html> (дата обращения: 13.01.2016).

7. Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Стрхова как мыслителя переходной эпохи. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 168 с.

8. Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 290 с.

9. Страхов Н.Н. Ряд статей о русской литературе // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 81-128.

10. Страхов Н.Н. Поминки по И. С. Аксакову // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 61-72.

11. Страхов Н.Н. Предисловие // Страхов Н.Н. Борьба с западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Т. 1. – Издание третье. – Киев, 1897. – С. I-IX.

12. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 2005. – 368 с.

13. Страхов Н.Н. Письмо в редакцию «Московских ведомостей» 26 мая 1863 г. // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 50-53.

14. Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 387-440.

15. Страхов Н.Н. Последняя выходка против книги Н.Я. Данилевского // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 454-480.